

— Дима, не торопись...

Она с улыбкой посмотрела на его покрасневшее лицо. Парень отчаянно старался, но у него катастрофически не получалось. Скованные, прерывистые движения, остановки, повторы...

— Всё хорошо, так все начинают. Нет, сейчас с левой ноги... Да, молодец!

Он вымученно усмехнулся.

Четвертое танго оборвалось, давая возможность обоим вздохнуть с облегчением.

— Извини, я забыл, что после...

Лена нахмурила брови, продолжая улыбаться — «не извиняйся же, глупый, ты еще учишься!».

Он проводил ее до того места, откуда, после продолжительной «стрельбы» глазами, увел несколько минут назад. Едва заметно кивнул ее мужу и, продолжая сконфуженно сутулиться, перешел на другой конец зала.

— Это было ужасно... — растягивая слова, снисходительно произнес муж.

— Перестань. Вот отдаст столько лет танцам, сколько мы — получше тебя будет!

Он сверкнул белозубой улыбкой, откидывая голову назад и отрицательно мотая.

— Парень старается. Не все же... такие талантливые, — она вынуждена была посмотреть на мужа, признавая его несомненные достоинства в освоении аргентинского танго.

— Принеси мне воды, пожалуйста.

Он поцеловал ее в щеку и направился к барной стойке.

Лена нашла глазами своего недавнего партнера. Стоит. Страдает, дурачок. Пригласил бы еще кого. Впрочем, если он умудрился все запороть с такой опытной танцовщицей, как она, то уж с другой... Лена вздохнула, но жалеть парня больше не стала. Взяла принесенный бокал с водой, осушила его залпом.

— Пойдем! Я хочу курить... — потянула мужа к выходу.

— Бросать надо, — брезгливо проворчал он, но послушно пошел следом.

Людный коридор, небольшие очереди к туалетам, гардероб... Неприметную дверь все игнорировали. Лена толкнула ее, выскакивая на свежий воздух. Маленький внутренний дворик — едва ли больше, чем два на три метра — заботливо дополненный скамейкой и урной для окурков, окруженный со всех сторон глухими высокими стенами. Над головой — прямоугольник вечернего осеннего неба с тремя бледными звездочками.

Щелкнула зажигалка, кончик сигареты почти не слышно зашипел, краснея в полумраке.

Кроме них в курилке никого не было. Лена и не помнила, чтобы встречала здесь кого-то.

«Мода на здоровый образ жизни, мать ее... А мне плевать! Как там говорил старина Генсбур? Курю из ненависти к кислороду. Да, точно!».

Муж лениво бродил на противоположном конце дворика, напоминая прогуливающегося в тюрьме заключенного. Только с модной прической и в дорогом костюме. Тоже не хотел вдыхать дым. Заботится о себе!

Дверь внезапно распахнулась, заставив их дружно обернуться. Это был он. Дима, ни на кого не глядя, нервно достал из кармана мятую пачку, зло встряхнул ее, выбивая желанный цилиндрок с ядом. Сигарета вылетела, упала на грязный бетон. Видимо, последняя. Парень разочарованно закрыл глаза. Когда открыл, увидел перед собой изящную тонкую руку,

протягивающую ему новую.

Он удивленно посмотрел на Лену, потом на ее мужа. Нерешительно взял предложенное, прикурил своими спичками.

— Простите, я... может быть... помешал?

— Нет, нет! Мы уже уходим! — муж направился к дверям, по пути подхватывая тонкую руку. Рука вывернулась.

— Иди. Я докурю...

Он остановился на мгновение, перевел испытующий взгляд с жены на неуклюжего танцора, заподозрил, оценил, не поверил, расслабился...

— Конечно, милая. Жду тебя! — и вышел.

Лена бросила сигарету в урну, осталась стоять на месте. Критически осмотрела фигуру напротив.

— Ты хоть выпрямись, когда танцуешь. Не надо сутулиться!

Дмитрий ничего не ответил, но рефлекторно выпрямил спину. Она была уверена, что его лицо, скрытое темнотой, залилось краской.

— И не пытайся постоянно использовать сложные движения, ты их тупо не выучил! Не знаешь как двигаться — делай самое простое, хоть сто раз подряд.

Он кивнул.

Из глубины клуба послышались первые аккорды следующей танды.

Лена решительно подошла, выдернула из руки Дмитрия тлеющую сигарету, отбросила ее в сторону.

— Возьми меня!

Его глаза широко раскрылись.

— Бля, я имею в виду... — она схватила его руку, другую завела себе за спину, — Слушай музыку.

Медленно двинулась в сторону, назад, увлекая его за собой.

— Но имей в виду, что вести надо тебе! Сейчас я просто показываю...

Он еще раз энергично кивнул.

— Давай, «сэндвич»... Ведь помнишь же? На занятиях отработывали!

Он сделал, что она просила.

— Отлично! Давай дальше... Еще парочка простых украшательств... и сегодня пользуйся только ими, чередуй!

Тесный дворик неожиданно уперся стеной в ее спину.

— Ой...

Она хотела отойти, но партнер так и замер, прижимая ее к холодному камню.

— Алё! Урок окончен. Я пошла...

Опомнившись он отпустил Лену, позволив ей одернуть платье и развернуться к выходу.

— Подожди! А ты... ммм...

— Что? — довольная неожиданным эффектом от тесного объятия она улыбалась, — Нет, Дим. Успокойся.

— Извини... Прости...

Но когда тонкая рука повернула ручку и потянула ее на себя, Дима неожиданно подскочил, ударил по двери, захлопывая ее, толкнул Лену в угол.

— Эй! Сдурел?!

— Тссс...

Прижал, схватил за талию. Она на высоких каблуках, выше его — горячее дыхание ударило ей в шею. Поцелуй — страстный, неистовый, еще один, в щеку, за ухом, потом в губы.

Хотела вырваться, но сильные руки не позволили. Кричать — стыдно. Неужели сам не одумается?! Сражаясь друг с другом вышли из угла, исполняя под доносящееся танго нелепые па.

Попытался задрать подол ее платья. Вскрикнула, умудрилась вlepить пощечину. Но его рука уже юркнула под тонкую ткань, добралась до ажурных трусиков, потянула вниз.

— Дима, перестань! Нет!

Он вдруг остановился, увидев на ее лице обиду и отчаяние. Она отошла к стене, тяжело дыша. Трусики так и остались спущены до колен.

Первый трек танды плавно перешёл во второй.

Он снова двинулся к ней.

— Не подходи...

Налетел, обхватил, прижал ладонь к её промежности. Лена охнула, согнув ноги, оказавшись ниже его. Он стиснул рукой ее щеки, поднял голову, впился влажным поцелуем в напомаженные губы.

Слабость! Неожиданная, сладкая... Как в момент тесного объятия перед танцем, только ещё слаще!

Она встrepенулась, ужаснувшись самой себя. Застонала — непонятно, тоскливо, то ли от недовольства, то ли...

Горячая схватка, тесная, душная, со злым шёпотом, протестующими возгласами. Она не уступала. Но он был настойчив.

Пошла третья мелодия. Танцор схватил тонкую руку за запястье, сделал ей больно, выворачивая, заставляя сделать изящный поворот, припасть щекой к стене и, наконец, затихнуть.

Холод осени на обнаженных ягодицах, а на щеках жар от приливающей к лицу крови. Подол платья закинут на плечи. Больше не сопротивлялась. Позади визг молнии на брюках. Готовится взять ее... Гримаса на лице ещё свидетельствовала об изнасиловании, но ее тело уже хотело любви, такой же жаркой и душной, как борьба за неё минуту назад.

Член прижался, жадно выискивая вход. Затылок пощекотало дыхание, потом поцелуй. Губы касались шелковистой кожи, потом зарылись в растрепавшиеся тёмные волосы. Он с наслаждением втянул в себя ее запах. Не спешил, наслаждаясь, заставляя ее осознать поражение. Она подалась бёдрами назад и... вскрикнула, понимая, что вошёл не так, не туда! Но Дмитрий зажал ей рот, не стал останавливаться, продолжил, вместе с последней, четвёртой мелодией, преодолевая сопротивление, распаясь, не обращая внимания на ее болезненные стоны и всхлипывания, двигаясь быстрее, быстрее, ещё быстрее... И взгляд, упавший на восхитительную часть опытной танцовщицы, вздрагивающей под его ударами, свёл партнера с ума. Он вскрикнул, застыл, чувствуя, как член внутри ее тела выдаёт последние аккорды, резко вошёл и вышел из неё ещё два раза, отстранился, тяжело дыша. Она повернулась, поймала его глаза своим мутным взглядом, как там, на площадке — кабесео... Упала на колени, обхватила член губами и высосала из него последние капли.

Поднялась, приходя в себя. Облизнулась.

— Черта лысого ты ещё раз придёшь потанцевать!

Дима непонимающе уставился на неё. Она вдруг порывисто, зло схватила его за ворот рубашки. Сжала губы, приблизилась к самому его лицу. Провела:

— Ты не понимаешь, кто я, и кто... Чтобы я здесь тебя больше не видела. Понял?

Она отвернулась, натянула трусики, и сделала шаг к дверям. Остановилась. Добавила, не оглядываясь:

— Я сама тебя найду...

Музыка стихла. В распахнувшиеся двери ворвались аплодисменты.